

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕЙСКОГО ПОЭТА ХАН ЁНГ УНА

Ким Т.С.
ТашГИВ, Ташкент, Узбекистан

Title: *Concept "Happiness" in Individual Linguistic Way of Thinking of Korean Poet Khan Youn Un*

Author: *Kim T. S., TashSIOS, Tashkent, Uzbekistan*

Abstract: *Basis of concept «the picture of the world», thus, makes studying concepts of the person about the world. Consequently, the statement of representatives когнитивной linguistics that our conceptual system depends on physical and cultural experience is fair. Khan Yong Un does not follow from a poem "Happiness" of the Korean poet of the basis for the statement about an inclusiveness of "mutual love" in its personal concept "happiness", there are no data that feelings of men and women to each other make happiness. In it feature concept "happiness" in individual mentality of the poet which was the Buddhist monk sees, that fundamentally defines a basis of its mental and language picture of the world.*

Keywords: *Happiness, Khan Youn Un, Korean Poet*

Ключевые слова: *языковая картина мира, «счастье», Хан Ёнг Ун, корейский поэт*

В настоящей статье предлагается рассмотреть концепт «Счастье», исследованный в различных научных работах современных лингвистов, а также рассмотреть своеобразие данного концепта в индивидуальной языковой картине мира корейского поэта Хан Ёнг Уна.

Термин «картина мира» появился в начале XX века в работах Г. Герца по физике (1914) применительно к физической картине мира, трактуемой им как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Внутренние образы, или символы, внешних предметов, создаваемые исследователями, должны быть такими, чтобы логически необходимые следствия этих представлений в свою

очередь были образами естественно необходимых следствий отображенных предметов» [1, с. 208].

Термином «картина мира» широко пользовался М. Планк, назвавший так одну из своих работ. (Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966). М. Планк понимал под физической картиной мира «образ мира», формируемый физической наукой и отражающий реальные закономерности природы.

Мысль о том, что создание картины мира является необходимым моментом для жизнедеятельности человека, развивал А. Эйнштейн: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину мира и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни».

В современной лингвистике под картиной мира понимается целостный образ мира, являющийся результатом всей духовной жизни человека, в формировании которой принимают участие все стороны его психической деятельности (см. об этом: Гуревич 1972, Борщев 1995, Иванов, Топоров 1965; 1974, Сафина 1995, Сулименко 1995, Черняк 1995).

Теория языковой картины мира в современной науке находится в стадии осмысления и активной разработки. Можно выделить два основных направления в изучении этого вопроса: философское, идущее от Гегеля (Брутян 1956, Павиленис 1983) и лингвистическое (Караулов 1976, 1981, Колшанский 1990, Комлев 1981, Кубрякова 1988, Постовалова 1988, Сулейманова 1989, Когай 1996 и др). [2, с. 32-37].

«Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание,

полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [3, с. 11].

Объективная действительность по-разному отражается в различных языках, при этом формируются особые, отличающиеся друг от друга картины мира. Проявление специфически человеческого восприятия действительности, закрепленного в языке, заключается в том, что носитель какого-либо языка и соответствующей ему картины мира, скорее всего, будет строить свое речевое поведение в соответствии с данной картиной мира. Это обусловлено тем, что язык является одним из важнейших средств фиксации и хранения знаний о мире, накопленных человечеством. Человек, познавая в процессе своей жизнедеятельности объективную действительность, результаты этого познания фиксирует прежде всего в лексике. Сумма знаний о мире, зафиксированных в языке, может быть определена как языковая картина мира.

Языковая картина мира не принадлежит к числу частнонаучных или специальных картин мира, являясь предшественником многих других картин и до определенной степени формируя их. Ю.Д. Апресян называл языковую картину мира наивной и подчеркивал ее донаучный характер. Поскольку процесс познания человеком мира идет постоянно, следовательно, концептуальная картина мира постоянно дополняется и изменяется, тогда как языковая картина мира более консервативна и еще долго сохраняет следы устаревших представлений человека о мире. [4, с. 4-9].

Рассмотрим стихотворение корейского поэта Хан Ёнг Уна (1879-1944)

Счастье

나는 당신을 사랑하고 당신의 행복을 사랑합니다.

나는 온 세상 사람이 당신을 사랑하고 당신의 행복을 사랑하기를 바랍니다.

그러나 정말로 당신을 사랑하는 사람이 있다면 나는 그 사람을 미워하겠습니다.

그 사람을 미워하는 것은 당신을 사랑하는 마음의 한 부분입니다.

그러므로 그 사람을 미워하는 고통도 나에게서 행복입니다.

만일 온 세상 사람이 당신을 미워한다면 나는 그 사람을 얼마나 미워하겠습니까?

만일 온 세상 사람이 당신을 사랑하지도 않고 미워하지도 않는다면

그것은 나의 일생에 건드릴 수 없는 불행입니다.

만일 온 세상 사람이 당신을 사랑하고자 하여 나를 미워한다면 나의 행복은 더 클 수가 없습니다.

그것은 모든 사람의 나를 미워하는 원한의 두만강이 깊을수록 나의 당신을 사랑하는 행복의 백두산이 높아지는 까닭입니다.

Я люблю тебя, люблю твоё счастье.

Я желаю, чтобы все люди мира любили тебя и любили твоё счастье,

Но, если кто-то действительно полюбит тебя, его я возненавижу.

Ненависть к тому человеку – это часть любви к тебе

Однако, даже боль от ненависти к тому человеку тоже для меня счастье.

И если весь мир возненавидит тебя, то насколько я возненавижу тех людей?

Но, если весь мир не будет тебя, ни любить, ни ненавидеть – это несчастье в моей жизни,

И это я не смогу перенести.

А, если весь мир, возлюбив тебя, возненавидит меня, то мое счастье будет огромным,

Потому что, если злоба ненавидящих меня людей глубока как река Туман,

то мое счастье будет выше гор Пекдусан. [5, с. 76].

(перевод Ким Т.С., автора данной статьи).

Из данного стихотворения корейского поэта не вытекает основания для утверждения о включенности «взаимной любви» в его личный концепт «счастье», нет данных о том, что чувства мужчин и женщин друг к другу составляют счастье. В этом видится особенность концепта «счастье» в индивидуальной ментальности поэта, который был буддийским монахом, что фундаментально определяет основу его ментальной и языковой картины мира. Монаху категорически запрещено любить женщину, он не имел права создавать семью, иметь детей, более того земные радости считались греховными и суетными желаниями, отрывающими от высокого и благородного. В традиции конфуцианства аскетический образ жизни считался достойным и приличным. Особо необходимо

отметить годы жизни поэта – это период колониального господства Японии в Корее, период горя, страданий и слез всего народа, мучающегося и стонающего от захватчиков. Разве возможно кому-то в такое время даже помышлять о своем личном счастье, тем более буддийскому монаху.

Счастье для героя вышеприведенного стихотворения – это радость видеть счастье любимого человека, однако тут же присутствует элемент эгоизма – нежелание делить любимого человека с кем-то другим даже на уровне чувств.

В целом, если сравнить с представлениями о счастье носителей западной культуры, то в западной культуре любовь (во всех её проявлениях) является неотъемлемым компонентом концепта «счастье». В корейской традиционной культуре не принято было говорить о сокровенном, открыто говорить о своих чувствах, признаваться в любви, говорить об этом считалось неудобным. Это одна из тем - табу.

Философская традиция и обыденное сознание, как правило, отождествляют Счастье с высшим благом, рассматривают его в качестве общего знаменателя всех ценностных устремлений человека. Как слово живого языка и категория культуры Счастье имеет многоаспектное, трудно поддающееся систематизации содержание. Польский исследователь В. Татаркевич (1886—1980), написавший фундаментальный труд «О счастье», выделил следующие 4 основные значения понятия Счастье: 1) благосклонность судьбы, удача, 2) состояние интенсивной радости; 3) обладание наивысшими благами, положительный баланс жизни; 4) чувство удовлетворения жизнью. Философско-этический анализ Счастья связан с разграничением в его содержании того, что зависит от самого индивида, определяется степенью его духовного развития, совершенства, добродетельности, от того, что ему не подконтрольно, предзадано внешними условиями... Этическое направление, рассматривающее Счастье в качестве высшего человеческого блага, получило название эвдемонизма. Стронником данного направления наряду с Аристотелем был Фейербах. По его мнению, эвдемонизм становится этическим принципом как желание Счастья другому. Эвдемонистические мотивы представлены в подавляющем большинстве этических учений, в т. ч. таких, как, например, этика Платона, Фомы Аквинского и др. Традицию этического эвдемонизма прервал, по сути дела, впервые Кант, полагавший, что Счастье является всего

лишь высшей природной (но не моральной!) целью человека» (Философский словарь, 1991: 446).

Категория счастья – многомерное интегративное ментальное образование, включающее интеллектуальную общеаксиологическую оценку и оценку эмоциональную в форме радости либо удовлетворения. Считается, что ментальное существование абстрактных категорий в обыденном, языковом сознании преимущественно интуитивно, эти понятия не имеют здесь дискурсивного представления. Любой человек прекрасно сознает, что такое счастье, пока его об этом не спрашивают (Ср.: "Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю". Однако "интуитивно" в случае счастья едва ли равнозначно образно, поскольку нарисовать картинку счастья оказывается невозможным, и, в конечном итоге, используя прием своего рода сократовской "майевтики" – системы наводящих вопросов – можно получить от респондента его словесное определение. [6, с. 47-58].

Заключение

Можно согласиться с утверждением, что человек формирует целостный глобальный образ мира, именуемый «картиной мира», в результате всей своей духовной-практической активности, следовательно, любая попытка обнаружить какой-либо один процесс, доминирующий в формировании общей картины мира у человека, с неизбежностью оканчивается неудачей.

Счастье для героя вышеприведенного стихотворения – это радость видеть счастье любимого человека, однако тут же присутствует элемент эгоизма – нежелание делить любимого человека с кем-то другим даже на уровне чувств.

В целом, если сравнить с представлениями о счастье носителей западной культуры, то в западной культуре любовь (во всех её проявлениях) является неотъемлемым компонентом концепта «счастье». В корейской традиционной культуре не принято говорить о сокровенном, открыто говорить об интимных чувствах, признаваться в любви, говорить об этом считается стыдным. Это одна из тем – табу. Однако любой человек, даже монах нуждается в состоянии под названием «Счастье», который выражает свои противоречивые чувства в поэтической форме.

Список использованной литературы:

1. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию. М., 1973. с. 208.
2. Ж. Вардзелашвили. Метафорические номинации в языковой картине мира. Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: филология. Выпуск II. СПб-Тб., 2001. с. 32-37.
3. Постовалова В. Картина мира в жизнедеятельности мира. // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. с. 11.
4. Михайленко О.М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты. Автореф. канд. дисс...К., 2006. с. 4-9.
5. Сборник стихотворений Хан Ёнг Уна. Песня монаха – песня молчания. Ассоциация культуры корейских издательств, Сеул, 1990. с. 76-77.
6. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты Известия РАН. Серия лит-ры и языка – 2001. – Т. 60, № 6. – с. 47-58.